

Выбор между кредитом и системой социального обеспечения

Monica Prasad

The Land of Too Much

American Abundance and the Paradox of Poverty

Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 2012, 344 pp., \$39.95 (cloth).

Легкодоступный кредит в США был альтернативой государству всеобщего благосостояния. В Соединенных Штатах уровень бедности выше и менее развита система социального обеспечения, чем в Западной Европе, поскольку в период с 1890-х по 1930-е годы они решили развивать экономический рост на основе потребления, который стал возможен благодаря легкодоступному кредиту. Так утверждает Моника Прасад, социолог из Северо-Западного университета, в своей новой убедительно написанной книге.

Прасад излагает тесно взаимосвязанные аргументы относительно кредита, налогообложения, потребления, регулирования, развития системы социального обеспечения, политики заинтересованных групп, перепроизводства и бедности, освещая прошедшие 120 лет экономической истории США и раскрывая ее отличия от истории континентальной Европы. Она утверждает, что США не являются рыночной экономикой из политических преданий, где государство не вмешивается в экономику; и они имеют давнюю историю активного вмешательства, характеризующегося большим регулированием и более прогрессивным налогообложением, чем Франция, Германия или Скандинавия.

В то время как европейцы, особенно после Второй мировой войны, формировали сложные системы социальных благ, обеспечивавшие всеобщее здравоохранение, щедрые государственные пенсии и социальное страхование, а также осуществлявшие социальные расходы в целях перераспределения, США использовали политику в области регулирования и налогов для стимулирования потребления и экономического роста. Обратной стороной этого выбора между кредитом и системой социального обеспечения, согласно Прасад, является то, что страны Европы сдерживали рост заработной платы и потребления для содействия

увеличению инвестиций в социальные расходы, тогда как США создали рудиментарную систему социального обеспечения, которая оставляет в бедности более значительную часть их населения.

Прасад находит корни этих различий в сельскохозяйственном перепроизводстве в конце XIX и начале XX века, которое привело к периодам дефляции и одновременному росту крупных промышленных предприятий. Это побудило реформаторов-аграриев, таких как популисты и их последователи, выступать за регулирование и систему прогрессивного налогообложения доходов, а не за более регрессивные, но более эффективные налоги на потребление. Процесс реформ в США в период с 1890-х по 1930-е годы, от Уильяма Дженнингса Брайана до Хьюи Лонга и Франклина Рузвельта, становится историей демократизации кредита в такой степени, что в середине XX века рост в США был вызван явлением, которое Прасад именует «ипотечным кейнсианством».

Такие историки, как Лизабет Коэн и Мег Джэкобс утверждают, что политические руководители США от Франклина Рузвельта до Ричарда Никсона занимались повышением покупательной способности и потребления масс в целях стимулирования роста и повышения уровня жизни. Роль легкодоступного кредита в благосостоянии США — от федеральных жилищных программ и программ кредитов студентам вузов до таких новшеств частного сектора, как покупка товаров в рассрочку и кредитные карты, — также хорошо известна.

Заслуга Прасад в том, что она развивает эти аргументы. Во-первых, она убедительно показывает, что США продвинулись намного дальше других стран в регулировании рынка (от безопасности продуктов питания до банковского дела) для защиты потребителей и содействия потреблению. Во-вторых, она приводит аргументы в пользу того, что государство прилагало большие усилия для содействия частному заимствованию в целях приобретения жилья, получения высшего образования и иного потребления — от институционального закрепления Федеральным управлением по вопросам жилья долгосрочных ипотек с низкими первоначальными взносами до налоговой политики, которая сделала ипотечные процентные платежи (и в течение некоторого времени другие виды процентных платежей) подлежащими вычету из налогооблагаемой базы. В-третьих, она утверждает, что политическая коалиция демократов и республиканцев из сельскохозяйственных штатов заставила США в 1920-е и 1930-е годы создать систему прогрессивного налогообложения доходов, а не ввести национальный налог с продаж, который бы сдерживал потребление.

Повествование Прасад перескакивает от начального периода Нового курса в период 1970-х годов, когда экономический застой вынудил как республиканцев, так и демократов дерегулировать сферу финансов, с тем чтобы сделать кредит еще более доступным. В этот момент мы подходим к известному рассказу об американцах, чрезмерно увеличивших свою задолженность, что привело к спекулятивным «пузырям» и финансовому обвалу 2008 года.

Именно в историческом плане книга Прасад сталкивается с проблемами. Автор не рассматривает тот факт, что экономика США переживала бум в период масштабного развития системы социального обеспечения — от Закона о социальном обеспечении до Великого общества. Ее аргумент, что регрессивное налогообложение способствует расцвету европейских систем социального обеспечения, вызывает вопросы о том, почему смещение в США в сторону менее прогрессивных налогов после 1981 года привело не к росту, а к сокращению государственных пособий в США.

Прасад также придает слишком большое значение влиянию популистов и аграриев начала XX века и смешивает эти различные движения с движениями прогрессивных городских реформаторов и реформаторов Нового курса. Хотя опыт США в развитии кредита для содействия потреблению резко выделялся, как утверждает автор, государственная политика была не единственным фактором. Бизнесмены-новаторы, в том числе владельцы универсальных магазинов и Генри Форд, удачно заметили выгоды от предоставления кредитов клиентам, а движения рабочего класса во многом содействовали демократизации кредита за счет создания ссудно-строительных ассоциаций и кредитных союзов.

Кроме того, аргумент Прасад относительно бедности, хотя и наводит на размышления, не очень хорошо разработан, и она обходит стороной вопросы распределения. Прасад утверждает, что «прогрессивное вмешательство приводило к неблагоприятным результатам», но вмешательство органов регулирования в эпоху прогрессивных реформаторов и Нового курса не были направлены на сокраще-

ние бедности. Предоставление кредита, возможно, служило альтернативой системе социального обеспечения, но оно также было направлено на содействие экономическому росту, а не на сокращение бедности. Кроме того, хотя системы социального обеспечения в Европе успешно применяли социальные расходы для снижения уровня бедности и неравенства, высокие ставки прогрессивного подоходного налога в Америке в 1950-х и 1960-х годах и принятый позднее налоговый кредит за заработанный доход привели к сокращению бедности и неравенства благодаря своему перераспределительному эффекту.

Непонятно, насколько тезис Прасад применим к развивающимся странам, где системы социального обеспечения, органы регулирования и кредит обычно слабо развиты. Бразилия и Китай после периодов быстрого роста и сокращения бедности расширили свои программы социального обеспечения, но неизвестно, будут ли они столь же успешными и выведут ли они из состояния нищеты массы людей, как это было в Скандинавии и США.

Материал в книге иногда повторяется, и автор делает несколько странных утверждений. Например, она утверждает, что Франция создала «неолиберальную финансовую архитектуру 1990-х годов», что профсоюзное движение США противодействовало национальному налогу с продаж по причинам «прокапиталистического характера», и что Закон о доступном здравоохранении США обеспечил «всеобщее медицинское страхование».

Тем не менее, многие из аргументов Прасад относительно выбора между кредитом и системой социального обеспечения и относительно последствий мощной системы регулирования США и политики прогрессивного налогообложения (до последних десятилетий) являются изящными и наводят на размышления. Хотя в этой книге нет рекомендаций по экономической политике, она, несомненно, будет способствовать дискуссии о методах, с помощью которых развитые страны могут обеспечить редкое сочетание роста, социальной справедливости и экономической стабильности.

*Раймонд Оффенхейзер,
президент Oxfam America*

Валютное счастье: объединение валют

Harold James

Making the European Monetary Union

Belknap Press, Cambridge, Massachusetts, 2012, 592 pp., \$35.00 (cloth).

Книга профессора истории Принстонского университета Гарольда Джеймса «Создание Европейского валютного союза» (*Making the European Monetary Union*) сочетает исто-

рически точное изложение событий, приведших к созданию Европейского валютного союза (ЕВС), и наводящий на размышления материал о его происхождении, деятельности и проблемах. Этот глубокий исторический материал понравится читателям из академических кругов, которые хотят получить подробные сведения о ЕВС.

Эта захватывающая и хорошо написанная книга вышла как нельзя более вовремя. Она хорошо построена, тщательно изложена и полна исторических фактов, в ней изучаются политические и экономические корни ЕВС.

Когда почти десятилетний период относительно безоблачного существования единой валюты ЕВС внезапно закончился в связи с началом кризиса задолженности Греции в 2010 году, дискуссия об устойчивости евро быстро перешла к вопросу о том, может ли валютный союз существовать без бюджетного союза в той или иной форме.

Согласно Джеймсу, европейский финансовый кризис нельзя приписать евро. Причины текущего кризиса лежат глубже и связаны с рядом проблем,

которые обсуждались, но не были решены во время создания евро.

Истоки кризиса в зоне евро объясняются в содержательном исследовании Комитета управляющих центральных банков, который впоследствии стал Европейским центральным банком. В книге прослеживается процесс от подготовки к реализации концепции Европейского валютного союза и единой валюты.

Здесь приводится материал, который помогает читателями понять сущность европейского валютного кризиса, в нем освещаются закулисные переговоры. Как показано в книге, евро сформировался под воздействием постоянных противоречий между политическими руководителями и технократами.

Создание ЕВС было огромным предприятием, этот союз по-прежнему работает над обеспечением стабильности цен в государствах-членах ЕС путем интеграции денежно-кредитных систем и с помощью одной из ведущих национальных валют, евро. Используя ставшие недавно доступными архивы Комитета управляющих центральных

банков и Комитета Делора 1988–1989 годов, Джеймс показывает, что, хотя ЕВС рос и развивался, отсутствие коор-

в основном исчезла. Ввиду уменьшающегося стремления к полномасштабному политическому сою-

ропы, и евро был наглядным примером этого политического проекта.

Постоянные сообщения СМИ о скорейшем распаде ЕВС не прекращаются, и для преодоления этой непростой ситуации нет быстрых решений. Книга охватывает исторические обстоятельства, в которых появились ЕВС и евро после десятилетий европейского сотрудничества, направленного на завершение столетий внутриевропейских конфликтов. В ней также содержится сбалансированный анализ текущего финансового кризиса. Книга Джеймса представляет собой важнейший справочный материал для любого, интересующегося ЕВС, независимо от его политических позиций. Она одинаково понравится энтузиастам, скептикам и реалистам проекта евро.

Джон Райан,

научный сотрудник Центра международных исследований, Лондонская школа экономики и политологии

Евро сформировался под воздействием постоянных противоречий между политическими руководителями и технократами.

динации в экономической политике, сложный процесс принятия решений и огромное число взаимосвязей между денежно-кредитными и экономическими переменными приводят к серьезным проблемам.

ЕВС первоначально рассматривался как еще один этап на пути к политически единой Европе. Однако после падения Берлинской стены, распада СССР и объединения Германии необходимость в европейском политическом союзе как средстве обеспечения мира в Европе

зу проект евро утратил перспективу получения стабильной основы в обозримом будущем.

С самого начала евро был противоречивой концепцией. Конструктивные недостатки зоны евро были хорошо известны с самого ее создания, в том числе отсутствие бюджетного союза и механизмов для преодоления асимметричных шоков и растущих различий в конкурентоспособности. Однако политические императивы пересилили экономические опасения в создании Соединенных Штатов Ев-

Унылая наука?

МВФ

Слушайте наши подкасты-интервью с ведущими экономическими экспертами и решайте сами: www.imf.org/podcasts